

Après nous le déluge¹

Гоа. 1998

Слухи звонко гудят в тропическом воздухе. Последняя новость – легендарная вечеринка знакомств с Томом Крузом в Nilaya Arpora Guesthouse², восемь комнат которого можно снять на Рождество за девять тысяч долларов в неделю. Выкрашенные в синий и бежевый цвет комнаты названы по стихиям и украшены золотыми солнцами и лунами.

– Ах, брось, «Нилая». Слишком много кича в духе Беаты Ведекинд³, – говорят по этому поводу две лесбиянки лет сорока пяти, из Мюнхена. Они ориентиру-

¹ После нас хоть потоп (*франц.*). Выражение принадлежит маркизе Помпадур, хотя часто приписывается Людовику XV.

² Пансион гостиницы «Нилая» в Арпоре (северное Гоа, Индия), построенный на холмах по проекту Клаудии Дерен и Гарри Аджвани в готическом стиле, из красного камня.

³ Беата Ведекинд, главный редактор немецких глянцевого журналов «Бунте» и «Гала», последние годы отошла от журналистской деятельности, живет на Балеарских островах и пишет книги.

ются в подобных вещах, ни в коем случае не хотят там жить и каждый год снимают вместо этого португальскую виллу с побеленной верандой, видом на Индийский океан и семью слугами.

Недалеко от их дома молодые, только что уволившиеся из армии израильтяне на тяжелых индийских мотоциклах «Enfield» грохочут по рисовым полям, мимо прелестных португальских церквей, и их dreadlocks¹ весело развеваются в воздушном потоке.

Они чуть не сбивают нескольких поклонников «техно» из Глазго, которые ничего не замечают, потому что постоянно подбрасывают в себя экстази, спотыкаясь, бродят, охотясь за слухами, в поисках следующего рейва, который никогда не произойдет, или той хижины, где делают безукоризненный пирсинг, или просто омета с золотисто-коричневой корочкой.

И потом их интересует слух о том, где и когда снова видели Чарлза Собхраджа – серийного убийцу, который в семидесятых и восьмидесятых годах убивал простодушных хиппи. Все это бессмыслица, но вместе с тем и правда: эти люди постоянно пребывают в поисках.

– Я испробовал уже много наркотиков, но ничто так не расширяет твоё сознание, как Святой дух, – говорит молодой фанат Иисуса. Он – член свободного, не считающего себя сектой объединения молодых людей,

¹ Дреды, прически, состоящие из многочисленных коротких косичек.

которые действительно так себя называют: Фанаты Иисуса. Они отвергают догматичность христианства, поэтому разъезжают по свету, с длинными вьющимися волосами, и когда их спрашивают, на что они тратят время, они смеются и отвечают: «Ищем Иисуса».

В Гоа они ставят рок-оперу о жизни Христа, на которую сердечно приглашают желающих, в снятой неподалеку вилле новозеландского филиала Фанатов Иисуса. У всех у них белые зубы, они выглядят невероятно здоровыми, не курят сигарет, питаются вегетарианской пищей, не употребляют алкоголя и ведут во всех отношениях положительную, излучающую добро жизнь.

Гоа – Диснейленд анархистов, и те люди с Запада, которые в конце шестидесятых годов прибыли сюда первыми по старой тропе хиппи, через Турцию, Иран и Кабул, а потом поселились здесь и, как бы воспроизводя движения ножниц, каждое лето отправлялись на остров Ибицу, чтобы к зиме вернуться в Гоа, – они все еще живут тут. Их волосы и бороды стали еще длиннее, а животы раздулись и пообвисли, но зато сегодня им принадлежат в Гоа студии звукозаписи и галереи батика, интернет-кафе и булочные, и они – пользуясь правом первородства – с нескрываемым отвращением взирают на своих духовных внуков.

Собственно говоря, во всем виноваты битники – Аллен Гинсберг и Питер Орловски – которые открыли

Гоа в начале шестидесятых годов и завладели им. В ту пору битники просачивались сюда, так сказать, по капле, привлеченные слухами о том, что где-то на другом конце света есть анклав, в котором каждый может делать что хочет. Устав от Танжера – да и Стамбул в ту пору был уже не тот, что прежде, – они, битники, явились в Гоа, сидели в чем мать родила на пляже и впрыскивали в руку морфий.

Местным индийцам, которые такого еще никогда не видели, поведение битников тогда еще представлялось возможной формой выражения одной из многих тысяч религий Индии – некоей личной, новой, малой религией, требующей от светлокожих людей с Запада именно того, чтобы они прибывали сюда, рассказывались нагишом на морском берегу и вкачивали в себя безумное количество морфия и ЛСД, на глазах истощаясь и неся невероятную чушь. Гинзберг тогда отмечал в своих индийских дневниках – вы только не смейтесь, пожалуйста, – что в Индии он де чувствует себя, как в Париже двадцатых годов.

Но затем, в конце шестидесятых, начали прибывать хиппи, их прибывало все больше, и от битников они отличались тем, что не читали друг другу вслух Уильяма Блейка¹ и Маяковского, когда обкуривались, а просто хотели быть гедонистами.

¹ Уильям Блейк (1757–1827), английский поэт и художник, мистик и визионер. Мало известный при жизни, он был «открыт» в XX веке.

Они хотели только быть голыми и длинноволосыми, чувствовать себя свободными и под кайфом. И еще – показывать знак «реасе»¹, один из самых бессмысленных, самых неестественно аффектированных жестов этого столетия. Впервые в истории человечества возник массовый туризм в регионы третьего мира.

До сих пор путешествие всегда было дорогим удовольствием. Но вдруг здесь объявились тысячи дурно пахнущих, немывтых людей, которые на путешествие из Афин в Кабул израсходовали не более десяти немецких марок и теперь в Гоа тоже, видит Бог, не желали ничего делать. В конце концов, можно спать и на пляже, там же справлять нужду, питаться рисом, как местные, выкуривать в день пару самокруток и заниматься на песке свободной любовью.

Христианские дети населения Гоа, наполовину состоящего из католиков, возвращаясь домой из школы, неизбежно становились свидетелями ритуалов этих обнаженных хиппи. И поскольку все же имелось различие между странной новой религией и настоящими святыми, садху², которые, прикрыв матерчатым мешочком только свой пенис, столетиями бродили,

¹ «Мир» (англ.).

² Садху – духовные искатели, аскетические воины, религиозные мистики, оккультные бунтовщики или монахи-философы, садху почитаются индуистами как представители богов, а иногда им даже поклоняются как самим богам. С незапамятных времен для людей, желающих достичь просветления в этой жизни, а не в следующих, был доступен кратчайший путь. Те, кто следует этим быстрым путем, в основном мужчины, это садху, «святые люди» Индии.

прося милостыню, по Индии, – эти святые были аскетами, полностью отказывались от половой жизни, вообще пренебрегали телом, считая его вместилищем греха, тогда как хиппи, наоборот, занимались на пляже групповухой, на глазах у всех, – индусы возмутились, и их протест дал повод для активности отвергающим всякую мораль хиппи, которые знали теперь, за что им бороться под пальмами.

Гоа стал первым виртуальным раем, псевдобеззаконным пространством, поддельной временной автономной зоной, создания которой как последнего эстетического действия требует исламский анархист Хаким Бей¹.

И поскольку знак «реасе», столь любезный всем хиппи, давным-давно уже ничего не значил, а смысл его скукожился, отчего знак этот превратился в пародию на пародию, потребовался новый символ. Заклинанием в сегодняшнем Гоа стало «шанти»², завершающее слово из «Пустынной земли» Т. С. Элиота, – старинное санскритское слово, означающее «мир, который превосходит возможность усваивать», и это слово сегодня в гиперинфляционном употреблении у фанатов.

¹ Хаким Бей – псевдоним американского политического писателя и анархиста Питера Ламборна Уилсона (р.1945). Он первым предложил концепцию временной автономной зоны (TAZ), основанную на историческом обзоре пиратских утопий.

² Шанти – финальное слово проповедей в буддийских и ламанских монастырях. Шанти («мир», «покой») часто повторяется в конце речи или чтения, и ему обычно предшествует «Ом», то есть: «Ом Шанти Шанти Шанти».

Сегодня «шанти» со всех сторон вдалбливается в уши посетителю. «Шанти, брат», – говорят, если опять не заводится мотоцикл «Enfield», или не удалась раскрашивание хной, или косяк слишком слабо закручен. Что именно тут должно быть «шанти», распознать непросто. Но считается: все, что не прикольно, – не «шанти». Отглаженные рубашки, например, – не «шанти». Чартерные туристы – тоже нет. Модная фирма «Stüssy» – это «шанти», но даже и она не совсем. Уже лучше, в этом смысле, обстоит дело с шароварами из батика, которые полулегально, с использованием детского труда, производятся в Малайзии или в Южном Китае и потом продаются по средам здесь, на легендарном Блошином рынке. Блошиный рынок по средам, в Анджуне, является, так сказать, нексусом Гоа, наглядным примером синекдохи¹, Гоа в Гоа. Этот гарантированно еженедельный хэппенинг создает пространство, в котором каждый может показать свое опьянение, свое умопомешательство, свои носильные вещи, свой образ мыслей. Это – место, куда едут все, без исключения.

Туда прибывают прокаженные, смеющиеся нищие, индийские манекенщицы и манекенщицы шведские, бородатые пожилые хиппи и торговцы сукном из Непала и Кашмира, продавцы бронзы из Тибета, шизоидные

¹ Синекдоха (*греч.*) – фигура речи, состоящая в назывании целого через его часть.

рейверы и, конечно, представители касты, почитаемой здесь за низшую: тучные чартерные туристы в тесных рубашках «на выход», которые влажными от пота руками боязливо держат наизготовку видеокамеры, чтобы запечатлеть и потом, по приезде домой, показывать знакомым все безумие здешнего фанат-шоу.

Вероятно, они смутно догадываются, что Гоа – это анти-Мальорка, превосходный выбор для тех тридцатипятилетних, которые хотят на зиму снять для себя не *finca*¹, а виллу у моря, на другом конце света. И часто употребляемая фраза, что на Мальорке тоже есть красивые уголки, точно так же касается и Гоа: элитарными считаются здесь только несколько пляжей – подалее за мысом. Но только в Гоа элитарность обретает странные формы выражения.

В джунглях Арамболя, например, возле знаменитого святого дерева баньян живут в лесу несколько голых швейцарцев вместе с голыми японками. Они давно сожгли или продали в Калангуте свои заграничные паспорта, после того как растратили деньги с дорожных банковских карточек и служащие филиалов American Express и Thomas Cook в Гоа перестали реагировать на просьбы о срочной замене якобы украденных у них карточек. И именно эти молодые люди, которые голышом живут в девственном лесу, спят на деревьях, а по

¹ Недвижимая собственность, владение; усадьба (*исп.*).

утрам, едва прикрыв чресла набедренной повязкой, пустыми обещаниями выманивают у рыбаков несколько рыб, проявляют образцовый элитаризм.

Признают здесь только то, что можно квалифицировать как «шанти», признают людей, которые отрезаны от других, потому что им на все наплевать, потому что они привыкли к наркотикам, потому что на недели застревают в транс. Посмотрим, мол, кто дольше продержится без еды... Бедность, зависимость от героина и нищенство в третьем мире – как последний протест, как вершина заносчивости, как *frisson de fin de siècle*¹. Хиппи-денди, бродяга-денди... Иметь длинные ногти на ногах и плохо пахнуть – это убогая альтернатива приспособленчеству, воспринимаемому такими людьми как убожество, и вместе с тем последний род эстетической активности, который представляется им возможным. Ситуационизм для каждого: выкладываешь 500 марок и попадаешь из Манчестера в Гоа беспересадочным рейсом авиакомпании British Midland, а обратный билет тебе уже не понадобится. Супермаркет анархии: поза и *pastiche*² этой позы.

Каждый, кто прибывает в Гоа, – посвященный, но некоторые – «еще посвященной» других³: «У тебя не

¹ Дрожь конца века (*франц.*).

² Пародия, подражание; стилизация (*франц.*).

³ Аллюзия на фразу из «Скотного хозяйства» Джорджа Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые животные еще равнее».

найдется для меня пары рупий, на жратву?» – хрипло спрашивает прохожих на улице Калангута полуголый молодой человек лет двадцати, очевидно, родом из Гессена. И не в том дело, что у него, возможно, где-то припрятан обратный авиабилет, который стоит столько, сколько среднему индусу не заработать и за два года. Может, и он тоже свой билет сжег или продал, но это не важно. Важнее, что в противоположность семистам пятидесяти миллионам индусов он сам лишил себя возможности покинуть эту страну, когда сжег свой паспорт или билет на самолет.

Это и есть шанти. Или, другими словами: самая отвратительная разновидность туризма в страны третьего мира. Ибо сомнительны с нравственной точки зрения вовсе не чартерные туристы в их обособленных клубно-отпускных гетто. Нет, те создают в Гоа новые рабочие места, позволяя шоферам, представителям герметично отгородившегося от них туземного мира, катать их по городу в малолитражных автобусах, а недели через две снова отчаливают к себе домой, увозя в чемоданах пару сувениров местного производства. Достойны презрения те, кто отрекся от мира лишь в угоду своему гедонизму, кто в финансовом отношении живет хуже индуса и готов торговаться за каждый пфенниг, кто даже перестал мыться – но здесь застрял на два года.

Приверженность человека к подобному образу мыслей можно распознать, оценив, насколько он опус-

тился, или, например, зная, что на пляже хиппи всегда имеет на себе меньше тряпок, чем другие туристы. Матерчатый мешочек, свободно облегающий мужской половой орган как единственная деталь одежды, сигнализирует: я уже давно живу здесь. Узкая ленточка между коричневыми, уже несколько отвислыми ягодицами, какую нередко видишь на пляже Копакабана в Рио (и там это вполне в порядке вещей, но здесь, в Индии, где женщины купаются, не снимая сари, а мужчины – длинных подштанников и нательных рубаш, подобный костюм производит, мягко говоря, странное впечатление), означает: шанти, братья и сестры, я все еще свободный человек!

Тот факт, что сами хиппи давно превратились в аттракцион для туристов, и притом индийских, беспокоит их очень мало. Из соседних штатов Махараштра и Карнатака сюда приезжают целые автобусы, набитые индусами – преимущественно молодыми, – и эти юноши потом целый день группками бегают по пляжу, фотографируя малоформатными камерами западных туристов с едва прикрытыми промежностями, которые спят на песке, подстелив батиковые полотенца.

Под вечер, выпавшись, все хиппи плетутся в прославленно-подозрительный бар «Shore», набивают себе гигантские косяки, смотрят на заход солнца и австралийских жонглеров на пляже – потом все начинается

сначала. Почти как в «Ballermann 6»¹ – только с противоположным знаком, да и происходит это в одной из беднейших стран мира.

В действительности это мало кого беспокоит – человеку, у которого в первый раз обнаружат четыре грамма гашиша, грозят десять лет тюрьмы. В середине восьмидесятых индийское правительство ужесточило закон – когда наркотический туризм принял серьезные масштабы, когда впервые появился чартерный авиарейс из Англии в Гоа, всего за пару сотен фунтов. Когда ручеек приезжающих в страну фанатов и рейв-туристов превратился в лавину.

Но тот, кто позволяет себя поймать, скажем, курильщик марихуаны или морфинист, либо очень глуп, либо очень беден. И тот, кто при задержании не может или не хочет заплатить пару сотен долларов обычной взятки, попадает в тюрьму Гоа, сооружение как из фильма «Papillon»². Она расположена прямо у моря; преодолев дорогу в джунглях, ты видишь сперва нескольких охранников, потом – полуразвалившееся здание, окна которого забраны решетками, побег отсюда абсолютно невозможен. Чиновники австрийского, швейцарского и немецкого посольств в столице Ин-

¹ «Ballermann 6» – испанское пляжное кафе в Платья де Пальма на острове Мальорка. Пользуется в Европе скандальной известностью среди туристов из-за своих «непрерывных вечеринок», продолжающихся круглые сутки. «Ballermann 6» – также название кинокомедии немецкого режиссера Гернота Роля, снятой в 1997 г.

² «Papillon» (Бабочка), фильм французского режиссера Филиппа Мюиля, снятый в 2002 г.

дии Дели – все они вынуждены разбираться с делами своих сограждан, отсиживающих разные сроки в Гоа, только вот сделать для таких глупцов они могут мало: разве что оказать кое-какую юридическую поддержку, да еще периодически посылать им немного шоколада и витаминов в таблетках, тут ничего не поделаешь, это – древняя история Азии.

Частные истории в Гоа тоже довольно запутаны: там, например, живет финская супружеская пара, летом с тремя детьми они на несколько дней улетают обратно в Хельсинки, получают у чиновников положенное пособие для многодетных, чтобы иметь возможность на эти несколько сотен марок в месяц прожить в Гоа и следующий год. Уже это дает им возможность художественно свести концы с концами, а чтобы покрыть другие, непредвиденные издержки, они оптом закупают в Хельсинки марки ЛСД, от тысячи до двух тысяч штук, и потом с небольшим наваром перепродают их в Гоа. Эти финские дети растут под пальмами, на солнце, среди коров, собачек и ящериц, а говорят на диковинной тарабарщине из финского, хинди, английского и конканийского диалекта Гоа.

Или другой пример – двое толстых русских, братья, которые вдруг замечают, насколько ласковыми могут быть маленькие индийские мальчики. Здесь денежный подарок, там швейцарские часы, полиция смотрит в сторону – обычный стереотип: наглая заносчивость

с одной стороны, зависимость – с другой. Гоа по-прежнему остается перевалочным пунктом для множества европейцев, уставших от жизни в ашрамах – наверху в горах, у Махариши, или внизу, у Саи Бабы под Бангалором, все эти люди не нашли того, что искали, и утомились от долгого пребывания на чужбине.

Между тем для тех, кто еще нуждается в такого рода помощи, в швейцарском Regenbogen Verlag¹ – где же еще – только что вышел немецкий путеводитель «Cool Guide Goa». На его задней обложке помещен следующий рекламный текст: «Две дюжины пляжей на любой вкус, на любой день, для любой компании. Танцы под пальмами. Транс в стиле Гоа ночи напролет, под полной луной. Секс-туры на мотоцикле Enfield. Легкие знакомства, нежные расставания. Visa. Security. Smoke. Ups & Downs. Классные разговоры с freaks, fans, scouts, trailfinders».

И пока ты еще всерьез раздумываешь, как можно устроить «классный разговор с trailfinders» и кто вообще подразумевается под trailfinders (trailfinders, это же – секундошку – следопыты, знатоки тайных троп), и пока так и сяк крутишь в руках путеводитель, а Гоа тем временем так и сяк сбывается по бросовым ценам, и тропы кажутся все более вытоптанными, а слухи и байки все более абсурдными – пока все это происходит, уже наступает апрель, и в Гоа идет первый за этот год дождь.

¹ Издательство «Радуга» (нем.).

И тогда, в конце апреля, наваждение рассеивается. Над землей бегут штормовые тучи, дует муссон, фанаты исчезают – они уезжают на север, в Гималаи, или в Англию, Германию, Данию, Японию и прочие страны, в которых жизнь им кажется сносной лишь летом, и когда они все отсюда сматываются, здесь наконец вновь наступает покой.

Многие дома, взятые в аренду на несколько месяцев за небольшие деньги, теперь пустуют. Затяжной дождь приносит запах гнили, несколько черепиц сваливаются с крыши, и кажется, будто быстро растущая благодаря дождю растительность не без умысла старается замаскировать то, что, наконец, должно быть опять спрятано. Воцаряется небывалый – хрустально-прозрачный, лениво-вегетативный – покой. Гоа, настоящее Гоа, по словам индусов, можно увидеть только во время муссонов. Шанти.

В немецком посольстве

Бангкок. 1999

Я знаю, что вы, дорогой читатель, думаете, о да! Мол, в своих азиатских историях господин Крахт рассказывает одни небылицы. Он слишком много приукрашивает. Он старается описать мир более приятным, чем тот есть на самом деле. Но жизнь в Бангкоке – не бесконечное чаепитие на террасе Oriental Hotel. Быть такого не может, думаете вы, чтобы дома у господина Крахта то и дело появлялись все эти странные писатели и сомнительные хорватские послы и чтобы они целыми днями ничего другого не делали, кроме как болтали о сандалетах «Prada», слушали Йму Сумак¹ и читали друг другу стихи Т. С. Элиота. Где же

¹ Yma Sumac (р. 1922) – известная перуанская певица с уникальным голосом в несколько октав (колоратурное сопрано), исполнительница индейских народных песен.